

РАЙАН ГРОДИН

РАЙАН ГРОДИН

ВОЛК
ЗА ВОЛКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44
Г86

Ryan Graudin
WOLF BY WOLF

Печатается с разрешения издательства Little,
Brown and Company, New York, USA.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.
All rights reserved.

Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Гродин, Райан.

Г86 Волк за волка: [роман] / Райан Гродин; пер. с англ. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Волк за волка).

ISBN 978-5-17-109681-6

1956 год. Победу во второй мировой войне одержали страны «Оси» и миром управляют правительства Третьего Рейха и Императорской Японии. Ежегодно они устраивают соревнование: гонку на мотоциклах от Берлина до Токио. Победитель получает приглашение на бал, на котором неизменно присутствует Адольф Гитлер.

Именно возможность встретиться с фюрером и убить его интересует еврейку Яэль, бывшую узницу концлагеря, а ныне — участницу Сопротивления. Благодаря приобретенной в ходе фашистских экспериментов способности принимать облик любой девушки, Яэль выдает себя за Адель Вольф — победительницу прошлогодней гонки. И лишь на старте оказалось, что в гонке решил принять участие и брат-близнец Адель, Феликс Вольф, а одним из главных конкурентов стал Лука Лёве, с которым Адель в прошлом явно что-то связывало. Задача Яэль усложнилась: важно не только победить в гонке, но и сохранить свою тайну.

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-17-109681-6

© 2015 by Ryan Graudin
© ООО «Издательство АСТ», 2018

**ДЭВИДУ,
ЗА ТО, ЧТО ВСЕГДА ПОДДЕРЖИВАЛ МЕНЯ
И РАЗДЕЛИЛ СО МНОЙ
САМЫЕ ВАЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ**

**ДРОЖАТ ПРОГНИВШИЕ КОСТИ МИРА
ОТ СТРАХА ПРЕД КРАСНОЙ ВОЙНОЙ**

– ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕСНИ ГИТЛЕРЮГЕНД

Давным-давно, в альтернативной реальности,
в королевстве смерти жила-была девушка.
Волки выли на ее руке. Все — из чернил для
татуировок и боли, воспоминаний и потерь.
Это было единственным, что оставалось
в ней неизменным.
Ее история начинается в поезде.

ГЛАВА 1

ТОГДА

ЧИСЛА
ОСЕНЬ 1944 ГОДА

В вагоны — широкие и глубокие, как для скота — набились пять тысяч душ. Поезд застонал и согнулся под их тяжестью, уставший от многочисленных поездок. (Пять тысяч раз по пять тысяч. Снова и снова. Так много, так много).

Нет места, чтобы присесть, нет воздуха, чтобы дышать, нет еды, чтобы съесть. Яэль опиралась на мать и незнакомцев, пока не заболели колени (и еще болели долго после). Она задыхалась от запаха отходов и сделала несколько глотков обжигающе-холодной воды из ведра, которое протолкнули через дверь кричащие охранники. Где-то под рельсами медленный, дрожащий стон снова и снова шептал ее имя: *Яэль, Яэль, Яэль*.

— Тебе больше не придется стоять. Мы почти на месте, — говорила мать Яэль, приглаживая волосы дочери.

Но «почти на месте» затягивалось. Один день превратился в два, три. Бесконечные часы покачивающихся километров и пластины солнечного света, которые как ножи прорезались сквозь сгнившие доски вагона и серые лица пассажиров. Яэль прижалась к шелковой юбке матери и пыталась не слушать плач. Рыдания были такими громкими, что ее имя почти тонуло в них. Но независимо от того, какой громкой была печаль, девочка по-прежнему могла слышать шепот. *Яэль, Яэль, Яэль*. Постоянный, устойчивый, непрерывный. Скрытый для всех.

Три дня подряд.

Яэль, я-эль, я – визг!

Поезд неожиданно встал.

Ничего.

И тогда двери открылись.

— Вылезайте! Быстро! — человек, лысый, тонкий, одетый в похожую на пижаму одежду — кричал и продолжал кричать. Даже после того, как люди начали вываливаться из вагона поезда. Он кричал и кричал так, что заставлял Яэль в страхе прижиматься к матери. — Быстрее! Поторапливайтесь!

Вокруг была лишь тьма и блики. Ночь и прожекторы. Холодный воздух заострил крики охранников, рычание собак и свист кнутов.

— Мужчины в одну сторону! Женщины — в другую!

Толчок, толчок, давка, толчок, крики. Было море шерсти и толкотня. Все казались потерянными. Двигались и толкались, и плакали, и не понимали. Пальцы Яэль сжали край пальто матери, так крепко, будто сами превратились в швы.

«ПОТОРАПЛИВАЙТЕСЬ БЫСТРЕЕ ДВИГАЙТЕСЬ» — Железный голос внутри Яэль дрался, и толкался, и кричал: — «НЕ РАСТЕКАЕМСЯ»

Они все двигались в одном направлении. Прочь от кнута и собачьих клыков. К человеку, который стоял на перевернутом ящике из-под яблок и высматривал что-то в темной, топчущейся на платформе толпе. Его заливал свет прожектора. Чистая белая ткань его лабораторного халата сверкала, а руки были широко раскинуты, как крылья.

Он был похож на ангела.

Он измерял и оценивал каждое проходящее лицо. Мужские и женские. Молодые и старые. Человек в сверкающем лабораторном халате перебирал, отсеивал и расставлял их в ряды.

«Слишком мал! Слишком болен! Слишком слаб! Слишком низок! Слишком стар!» — Он выкрикивал их характеристики, как ингредиенты для некоего мудреного рецепта, отмечая виновных в них взмахом руки. Те, кого он одобрил, получили кивок принятия.

Увидев Яэль, он ни залаял, ни кивнул. Сначала он покосился — по-змеиному острые глаза за стеклами очков.

Яэль прищурилась в ответ. У нее была резь в глазах, обостренная тремя днями страха и слишком ярких фонарей. Ее колени болели и дрожали, но она изо всех сил пыталась стоять прямо. Она не хотела быть слишком маленькой, слишком слабой, слишком низкорослой.

Человек спустился с ящика и направился к матери Яэль, которая встала перед дочерью, как бы желая заслонить ее. Но от взгляда этого человека было не укрыться. Он все отметил, глядя на Яэль и ее мать,

как если бы они были костюмами, нуждающимися в починке. Измеряя глазами, представляя, что могли бы сделать несколько стежков и сборок.

Яэль уставилась в ответ, производя собственные измерения. Вблизи мужчина выглядел иначе. За пределами света, с отпечатавшимися на нем тенями (на нем они казались очень темными, пребывая то первое сверкающее впечатление). И пахло от него по-другому. Не чистотой, нет. Резкие, химические запахи, которые позже Яэль научилась ассоциировать с отбеливателем, и кровью, и неосторожными скальпелями.

Этот человек не торговал благими вестями, или благословениями, или чудесами.

Он был ангелом другого рода.

Колени Яэль болели. Глаза жгло от слез. Она продолжала стоять. Продолжала смотреть. Сжимая юбку матери непослушными пальцами.

Человек в белом халате взглянул на охранника рядом с собой, который был занят тем, что заносил что-то в блокнот.

— Оставьте эту девочку для «Эксперимента 85». Он долгосрочный, поэтому она должна быть размещена в казармах заключенных. И проследите, чтобы ее волосы были подстрижены. Не сбриты. Мне понадобятся пряди для образцов.

— Да, доктор Гайер, — охранник схватил Яэль за руку, оцарапал ее кожу двумя быстрыми движениями своей ручки. Отметка X обозначала выжившего. — А что с ее матерью?

Человек пожал плечами. «Она кажется достаточно сильной», — все, что он сказал, прежде чем вер-

нулся к ящику, к свету, который делал его ослепительным и сияющим.

Яэль так никогда и не узнала, почему доктор Гайер выбрал ее. Почему ее — из всех маленьких детей, которые в ту ночь вывалились из вагонов и прильнули к пальто своих матерей — определили в линию живых.

Но пройдет совсем немного времени и она поймет, для чего ее отметили.

Это был «Эксперимент 85»: каждое утро, после четырехчасовой поверки, охранник выкрикивал номер Яэль. Каждое утро она должна была следовать за ним сквозь двое ворот с колючей проволокой и через железнодорожные пути, напрямик в кабинет врача.

Перед уколом медсестра привязывала Яэль к каталке. Она никогда по-настоящему не смотрела на Яэль, даже когда переворачивала руку девочки, чтобы проверить отпечатанные номера. Водянистые глаза всегда фокусировались на неодушевленном: пятна крови, невысохшие на плитках пола или забрызгавшие прежде белый фартук. Блестящая черная кожа ее туфель. Планшет, в который она вносила информацию о Яэль.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: 121358.X

ВОЗРАСТ: 6 ЛЕТ

ЭКСПЕРИМЕНТ №85: ПРИМЕНЕНИЕ МЕЛАНИНА

СЕАНС: 38